

на платформе

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ
ТЕХНОЛОГИИ

letmeprint.ru

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ

Петербургские зимы

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
И20

Иванов Г.

И20 Петербургские зимы / Георгий Иванов. — М. ; СПб. : «Т8
Издательские Технологии» / «Пальмира», 2023. — 214 с. —
(Серия «Литература и искусство»).

«Петербургские зимы» — книга прозы Георгия Иванова, поэта Серебряного века, одного из крупнейших представителей русской эмиграции.

По признанию самого автора, повествование в ней содержит «семьдесят пять процентов выдумки и двадцать пять — правды». Подчиняя точность факта истине художественного вымысла, Г. Иванов раскрывает амбивалентную природу города, особенно ярко проявившуюся в первые послереволюционные годы. Блистательный Петербург, переживающий расцвет культуры, и разоренный, голодный, вымерший Петроград совмещаются, нарушая законы времени, и, словно зеркала, отражают друг друга, «взаимно искажая отраженья». В этой призрачной, немыслимой яви меняются и образы исторических лиц — выдающихся современников Г. Иванова, становясь их карикатурными двойниками, превращаясь в «фигуры полу-грез, полу-воспоминаний» (Д. Мирский). Не претендуя на статус документа, «Петербургские зимы» доносят до нас трагическую музыку заката прекрасной эпохи.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-09622-7

© Иванов Г. В., наследники, 2023

© Оформление.

АО «Т8 Издательские Технологии», 2023

I

Говорят, тонущий в последнюю минуту забывает страх, перестает задыхаться. Ему вдруг становится легко, свободно, блаженно. И, теряя сознание, он идет на дно, улыбаясь.

К 1920-му году Петербург тонул уже почти блаженно.

Голода боялись, пока он не установился «всерьез и надолго». Тогда его перестали замечать. Перестали замечать и расстрелы.

— Ну, как вы дошли вчера, после балета?..

— Ничего, спасибо. Шубы не сняли. Пришлось, впрочем, померзнуть с полчаса на дворе. Был обыск в восьмом номере. Пока не кончили — не пускали на лестницу.

— Взяли кого-нибудь?

— Молодого Перфильева и еще студента какого-то, у них ночевал.

— Расстреляют, должно быть?

— Должно быть...

— А Спесивцева была восхитительна...

— Да, но до Карсавиной ей далеко.

— Ну, Петр Петрович, заходите к нам...

Два обывателя встретились, заговорили о житейских мелочах и разошлись. Балет... шуба... молодого Перфильева и еще студента... А у нас, в кооперативе, выдавали сегодня селедку... Расстреляют, должно быть...

Два гражданина Северной Коммуны мирно беседуют об обыденном.

Гражданина окликает гражданин:
Что сегодня, гражданин, на обед?
Прикреплялись, гражданин, или нет?..

И не по бессердечию беседуют так спокойно, а по привычке.

Да и шансы равны — сегодня студента, завтра вас.

Я сегодня, гражданин, плохо спал —
Душу я на керосин променял.

Об этом беспокоились еще: как бы не променять душу «на керосин» без остатка. И — кто устраивал заговоры, кто молился, кто шел через весь город, расползающийся в оттепели или обледенелый, чтобы увидеть, как под нежный гром музыки, в лунном сиянии, на фоне шелестящих, пышных бумажных роз — выпорхнет Жизель, вечная любовь, ангел во плоти...

Поглядеть, вздохнуть, потом обратно ночью через весь город.

Над кострами искры золотятся,
Над Невою полыньи дымятся,
И шальная пуля над Невою
Ищет сердце бедное твое...

Ну, может быть, сегодня еще до моего не доберется. Чего там!

Петербургская сторона — Плуталова улица. Место глухое, настолько глухое, что даже милиция сюда не заглядывает. Иначе не обнаглел бы какой-то проживающий здесь спекулянт до того, чтобы прибить у дверей вывеску о своей торговле. На вывеске

стоит черным по белому: «Здесь продаецца собачье мяско».

На Плуталовой живет В., занимает комнату с кухней в грязном шестиэтажном доме.

В. — бывший писатель. Что-то печатал лет пятнадцать тому назад, чем-то даже «прошумел». Теперь пишет «для себя», т. е. ничего не пишет, делает только вид.

В минуты откровенности — признается: «Плюнул на литературу — жить красиво — вот главное».

Он странный человек. Писанье его бесталанное, но в нем самом «что-то есть». Огромный рост, нестриженная черная борода, разбойничьи глаза навывкате — и медовый монашеский говор. Он то сидит неделями в своей «квартире», обставленной разной рухлядью, считаемой им за старину, с утра до вечера роясь в книгах, то пропадает на месяца, неизвестно куда.

— Где это вы были, В.?

Улыбочка. — Да вот, на Афоне съездил...

— Зачем же вам было на Афон?

Та же улыбочка. — Так-с, надобность вышла. Ничего, славно съездил. Только, досадно, в дороге кулек у меня украли с драгоценными вещами: бутылкой зубровки старорежимной — вот бы вас угостил — и частицами святых мощей...

Через полгода — опять. — Где пропадали? — Да на Кавказе пришлось побывать, в монастыре одном...

Вот к этому эстету из семинаристов, с наружностью оперного разбойника, я решил пойти переночевать.

Дело было такое: я засиделся у знакомых на Петербургской стороне (а жил в самом конце Басейной). Когда собрался уходить — оказывается, без четверти одиннадцать и, если идти домой, обязательно попаду на обход и в участок, так как не

только ночного пропуска, но и обыкновенной труд-
 книжки у меня нет. Ночевка в милиции — вещь
 неприятная, да и вопрос еще, как обернется наутро:
 могут отпустить, могут и отправить в Чека. Восклик-
 нуть, как Мандельштам (кстати, смертельно милиции
 боявшийся):

Мне ночного пропуска не надо,
 Часовых я не боюсь, —

было бы неблагоразумно. У знакомых, где я zasi-
 делся, ночевать было негде. Я и вспомнил о В.,
 жившем неподалеку.

Тяжелого висячего замка на входной двери не
 было — значит, дома. Но на стук мой никто не
 ответил. Неужели ушел? Я постучал сильнее. Шаги
 и голос В.:

— Что ломишься в такую рань? Проваливай. До
 двенадцати все равно не пущу.

Решив, что вряд ли это ко мне относится, я по-
 стучал еще и назвал себя.

В. сейчас же открыл. — Голубчик! Какими судь-
 бами? Желаете согреться? — Он пододвинул мне
 рюмку.

Сам В. уже, по-видимому, «согрелся» на сон
 грядущий. Ворот косоворотки расстегнут, лицо крас-
 ное, в глазах маслянистый блеск. Впрочем, это было
 обычное его состояние — ни пьян, ни трезв. Вечное
 «навеселе».

Узнав о моем намерении переночевать, В. как-то
 засуетился.

— Да если вам неудобно, вы скажите, я уйду.

— Что вы, что вы, дорогой. Очень удобно, очень
 приятно. Только... — Он опять забежал глазами... —
 Вам-то будет ли удобно?

— Обо мне не беспокойтесь.

— Конечно, конечно... Но будет ли вам?.. Креп-
 ко ли вы спите?

— Очень. К тому же чрезвычайно устал — целый день на ногах, прямо валюсь...

— Вот, вот... — В., по-видимому, обрадовался. — А то ко мне придет тут... Один книжник... Сосед... Книжки кой-какие разобрать... Так я боялся, не помешаем ли мы вам.

Я успокоил В., что никто и ничем мне не помешает. Несмотря на мои отказы, он уложил меня на свою кровать, за рваный штофный полог.

— Ничего, ничего — тут и вам будет удобнее, и мне спокойнее. А я на диванчике пересплю — прекрасный у меня диванчик.

Кровать была широкая и мягкая... В. в другом углу комнаты шуршал книгами, позванивал ложечкой о стакан... Сосед-книжник не приходил...

...Я проснулся. За занавеской шел тихий разговор. Говорил больше чужой голос, вкрадчивый и скрипучий. В. только изредка вставлял что-нибудь.

— От Бога-то вы отвернулись. Отвернулись, ладно, очень хорошо. Но мало от Бога отвернуться, мало, друзья. Надо еще перед *Ним* заслужить. Так, думаете, он вас и примет сразу, так и начнет помогать, едва крест с шеи долой...

— Да как же заслужить? Церкви ему строить? Акафисты петь?

— И церкви, и акафисты, и в сердце своем его одного иметь. Главное — в сердце иметь. Тогда он и поможет.

— Что же тогда будет, когда поможет?

— Все будет, все, слышишь? Булки разные и ветчина, и шпроты, и белая головка — чего хочешь. И не за деньги, хотя бы по старой цене, а даром — бери, что желаешь, ешь, что желаешь, пей — все бесплатно на вечные времена, только его в сердце держи...

Я осторожно приподнялся и заглянул в прорезу в пологе. В. сидел за круглым столом. Перед

ним, спиной ко мне, какая-то фигура в полушубке. На черепе большая плешь, окруженная жидкими светлыми волосами. Поза понурая, шея ушла в плечи...

— ...в сердце держи, да. — Говоривший помолчал минуту. — Ну, так вот, прежде всего, как уговорено — пять тыщ...

— Уже и пять? Вчера было три!

— Пять тыщ... — повторил старик, — меньше никак не справиться. Потом, вот записочку эту возьми, переписать надо, знаешь. Да не на машинке, от руки. Потрудишься во славу его.

В. стал, вздохнув, отсчитывать деньги. Старичок, аккуратно пересчитав, спрятал.

— Ну, мне пора. Покойнички-то мои, верно, беспокоятся — две ночи пропадают. Все дела, дела...

— И не страшно тебе на кладбище?

— Чего же страшно? Напротив — компания приятная.

— И не гадко?

— Что же такое — гадко? Конечно, если кто еще червивый и лезет к тебе... А которые долго лежат, подсохли... Что же в нем гадкого? Из баб такие попадаются экземплярики...

— Молчи уж. Спать потом не буду, как пона-расскажешь...

Старичок захихикал.

— Какой слабонервный! А еще министром у нас хочешь быть. Хватит с тебя и сенатора, когда придет наше время, хе... хе... Ну, ничего, главное — помни — его в сердце держи...

— Г. В., вы спите? — окликнул меня хозяин, проводив гостя.

Я не отозвался. — Спит, — пробормотал В. Он еще долго возился, что-то отпирал и запирали, звенел ключами, шуршал бумагами, вздыхал. Наконец, улег-